

В. Г. Белинский

**Прекрасная астраханка, или
Хижина на берегу
реки Оки**

Виссарион Григорьевич Белинский

Прекрасная астраханка, или Хижина на берегу реки Оки

«...Эти строки мне кажутся немного странными: я нимало не сомневаюсь в том, что во времена „Стеньки Разина“ чай был во всеобщем употреблении, точь-в-точь, как теперь, что дочери тогда, как и теперь, поздравляли своих родителей с добрым утром, особенно дочери купецкие, что матери, в ироническом штиле, с дочерьми говорили во множественном числе; но я с трудом могу верить, чтобы романы тогда были в таком гонении. Очевидно, что это еще вопрос, вопрос исторический и литературный, который должно исследовать. В ожидании, пока явится ученый, который разрешит этот вопрос, будем следовать за нитью рассказа...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Прекрасная астраханка, или
Хижина на берегу реки Оки**

Прекрасная астраханка, или Хижина на берегу реки Оки. Роман, взятый из истинного происшествия. Российское сочинение. В двух частях. Москва. В университетской типографии. 1836. Две части: I–IV, 42; II – 76. (12).{1}

Хотя «Прекрасная астраханка» принадлежит к одной и той же категории с «Провинциальными бреднями», но несравненно лучше их и потому заслуживает большего внимания. Чтение этого романа после «Записок» Дормедона Васильевича{2} есть истинное отдохновение от труда тяжкого, утомительного. «Прекрасная астраханка» принадлежит к числу лучших российских романов, и только излишняя пышность воображения автора мешает ей несколько превзойти даже самую «Черную женщину»,{3} это произведение воображения, уже остывшего и сдружившегося с холодным рассудком. Мы хотим познакомить наших читателей с этим прекрасным романом, пересказав, сколько возможно короче, его содержание.

К роману, как водится, приложено предисловие, отличающееся необыкновенною цветистостью слога и глубокою ученостью; в нем автор уведомляет своих читателей, что город Астрахань стоит на берегу Волги и что в нем можно в один час встретить *разных наций народов*, и пр.{4}

Было утро. На берегу реки Кутума стоял

дом купца Огурева. На балконе с вызолоченными перилами, под зеленым зонтом или навесом, сидела прелестная Анастасия в легкой летней одежде цвета невинности и любовалась природою. Анастасия была единственное детище купца Огурева. Вдруг она увидела шлюпку, на которой сидело шесть гребцов, с веслами в руках, в красных рубахах, у коих *врата* были обшиты золотым галуном, с чернobarхатными шапочками на головах, которые были украшены багряными перьями (вероятно, строусовыми). На корме сидел и правил рулем и парусом молодой прекрасный юноша с величественною осанкою, с огненным и вместе диким взором, «умеренным неподражаемою улыбкою при встрече со взорами прекрасной Анастасии». Поравнявшись с балконом, он стал на одно колено и, прости свои руки к Анастасии, а потом на небо (но не к небу), с выразительностию сказал громко: *«Клянусь! ты будешь моею, или сия река будет моею могилою!»*

Сей прекрасный, страстный и злополучный юноша, который произнес оные патетические слова, был сын знаменитого *Стеньки*

Разина!

Шлюпка начала скрываться из глаз пленительной Анастасии, которая услышала «громкий звук гобоя и вскоре сей куплет, пропетый хором чистых голосов»:

*Душа красная девица,
Ангел милой красотой!
Взор твой – светлая денница —
Вдруг пленил меня собой!*

Итак, во времена *Стеньки Разина*, в России, не только прекрасно играли на гобое, но и сочиняли прекрасные куплеты, которым позавидовал бы сам г. Пуговошников: этот факт надлежит принять к сведению.

«Боже, кто сей незнаемый юноша, который невольно влечет к себе мое сердце и душу? Неужели это мне суженный, коего судьба нарочно привлекла в места сии, чтоб я его увидела и полюбила! – сказала сама себе Анастасия. – Ах! если это не сон, но одна мечта моего воображения, занятого романами, мною читанными...»

Видите ли, каким прекрасным, витиеватым стилем объясняется прелестная Анаста-

сия! По сим речам тотчас можно догадаться, что она девичья воспитанна и образованна. Пусть невежды вооружаются против романов, но романы и во времена *Стеньки Разина* приносили девицам большую пользу! Так как я не читал романов, сочиненных во времена *Стеньки Разина*, то и не могу судить о достоинстве оных, но думаю, что сии романы были благопристойнее «Постоялого двора»,^{5} забавнее «Черной женщины» и нравственнее «Провинциальных бредней» г. Прутикова.

Я пропускаю интересный разговор Анастасии с ее *горничною*, Анетою (а не Анютою), которая умна и лукава, как все горничные; если б я вздумал выписывать все красоты сего романа, то моя рецензия вышла бы больше оно-го. Однако я не могу не выписать поэтичского описания, сделанного Анастасией) возлюбленному ее сердца:

Он прекрасен, как майский день, величествен, как кедр ливанский!..

Творец небесный! как красноречиво выражали девицы свои чувства, во время *Стеньки Разина!* ай! ай! как красноречиво!..

– Где это вы, сударыня, были? – спросила мать у Анастасии. – Верно, изволили заниматься чтением прекрасных романов, коими набита голова и сердце ваше до такой степени, что вы даже забыли должное почтение к вашим родителям, поздравить их с добрым утром, и по нескольку часов заставляете ждать их до чаю!

Эти строки мне кажутся немного странными: я нимало не сомневаюсь в том, что, во времена *Стеньки Разина*, чай был во всеобщем употреблении, точь в точь, как теперь, что дочери тогда, как и теперь, поздравляли своих родителей с добрым утром, особенно дочери купецкие, что матери, в ироническом штиле, с дочерьми говорили во множественном числе; но я с трудом могу верить, чтобы романы тогда были в таком гонении. Очевидно, что это еще вопрос, вопрос исторический и литературный, который должно исследовать. В ожидании, пока явится ученый, который разрешит этот вопрос, будем следовать за нитью рассказа.

Мать упрекает мужа, что он позволяет дочери читать романы, «без чтения которых

она была бы невинна, как ангел, и добродетельна, как мать ее!..» Муж отвечает жене, что она сама смолоду до того любила романы, что забывала для них обед и ужин. Но это читателю и без того видно, потому что мать объясняется слогом книжным и ораторским, которого купчихе времен *Стеньки Разина* нельзя было приобрести без чтения романов. Но жене не понравилось возражение мужа. «Сею насмешкою, – говорит она, – думаешь ты поселить в единственной нашей дочери неуважение к своей матери». Пошло слово за слово, и старики побрались; в этой ссоре мать Анастасии от романического и книжного языка постепенно перешла к слогу простому, разговорному, который употребляется и теперь не токмо купцами и мещанами, но и чиновниками, в домашних объяснениях с их сожительницами.

Вдруг входит Стефан (сын *Стеньки Разина*).

– *Боже!* – вскрикивает Анастасия. –
Это он! – и упадает в обморок.

Так и должно! если девицы, во времена *Стеньки Разина*, читали романы, то, без со-

мнения, должны были уметь падать в обморок. Конечно, нынче это выходит из моды, но, во времена *Стеньки Разина*, сей обычай существовал во всей силе.

Стефан, как образованный молодой человек, бросился помогать своей возлюбленной.

– Прочь, прочь! – кричит Мария (мать Анастасии: в порядочных и истинно классических романах никогда не называют по отчеству героев и особенно героинь, хотя бы сии были и купчихи). Что ты за птица, взлетевшая в высокие хоромы? Если ты лекарь, то не нужны твои пособия; у нас есть лучшее лекарство: святая вода, антидор, воскресная молитва от врагов и супостатов, коих поручения ты, может быть, принимаешь, и будучи столь прекрасен, думаешь соблазнить нас, как святых отцов в пустыне, и посеять здесь клевету и раздор? Но и того хуже, если ты сын убийцы и разбойника, проливающего невинную кровь, ищущего случая излить яд свой в недра добродетельного семейства!.. Удались, исчезни, яко дым и прах!

Каков образчик красноречия?.. Знаете ли, что я в нем вижу? – А что?.. Да уж, верно, то, чего никто не видит. Коротко и ясно: я сделал историческое открытие, нашел новый факт.

О! недаром я давно подозревал в себе историко-критическую способность, дар соображения и богатых выводов из самых бедных данных. Да, в этом случае, я не уступлю самому г. Скромненку,^{6} который так много уже открыл нового в нашей истории, хотя и не очень давно ею занимается. Дело вот в чем: по сей красноречивой речи матери Анастасии я заключаю, что во времена *Стеньки Разина* преподавание риторики было в самом цветущем состоянии, что ей учили даже женщин. Заметили ль вы, что Мария, мать Анастасии, выражается всеми тремя родами слога: с Стефаном *высоким*, с дочерью *средним*, а с мужем *низким*. Кому не известно, что оное остроумное разделение слога на *высокий*, *средний* в *низкий* – относится к отдаленным временам и всеми нашими учителями и законодателями красноречия, от Ломоносова до г. *Плаксина* и *Глаголева*,^{7} признается необходимым? Но посмотрим, какое действие про-

извела на Стефана громовая выходка Марии.

Ужасное!.. Он затрепетал всеми членами и побледнел...

– Что это значит, государь мой? – спросил его Владимир (отец Анастасии). – Следовательно слова жены моей справедливы... Отчего вы так трепещете?

– От несправедливых ее упреков! – отвечал Стефан, стараясь принять на себя спокойный вид.

– А мне кажется, – возразил Владимир, поглаживая свою лысину, – они не несправедливы; ибо честный человек оных не боится и с равнодушием переносит все насмешки и ругательства и, почитая себя непричастным таковым укоризнам, еще более возвышается в душе своей, а вы... вы... молодой человек... ах! право ужасаюсь за вас – и мне кажется, что слова жены моей справедливы! Скажите: кого я имею честь видеть в моем доме, т. е. кто вы именно.

Как очевидно различие мужчины от женщины! Красноречие второй пламенно и бурно, дышит чувством; красноречие первого

спокойно, тихо, но глубоко и кипит мыслями. Вот каковы были русские бородатые купцы во времена *Стеньки Разина*; да – не то, что нынешние, которых в красноречии загоняет всякий сельский дьячок, доходивший в семинарии хоть до синтаксического класса, и у которых красноречивы только окладистая борода, румяные ланиты, толстые чрева и туго набитые карманы. Неоспоримо, что свет день ото дня становится хуже, как уверяет в этом Дормедон Васильевич Прутиков!..

Наконец, Стефан прибегает к ловкой увертке, одной из тех гениальных выдумок, которые вы можете найти в народной русской сказке в лицах, под названием «О бабьих увертках и непостоянных документах»{8} – и мир восстановился. Мать шепнула что-то дочери, и сия вышла.

– Верно, сударыня, – сказал Стефан, – вы почитаете неприличным прекраснейшей вашей дочери быть в обществе с незнакомым человеком и чрез сие лишаете как меня, так и самих себя удовольствия ее видеть: если я здесь лишний, сию же минуту оставляю вас в по-

кое.

Quelle galanterie! quelle politesse![1] Молодые щеголи и франты XIX века, краснейте: что вы в сравнении с денди XVII века? то же, что нынешние титулярные советники в сравнении с рыцарями средних веков!..

– Ах, помилуйте, помилуйте! – отвечает Мария... – Я сказала дочери, чтоб она переменяла платье, ибо на ней надето утреннее неглиже, а это платье не годится при постороннем человеке.

Боже мой! какое знание приличий! какое строгое исполнение требований хорошего тона! И в ком же? в купчихе времени *Стеньки Разина!*.. *O bon vieux temps!*[2] Тогда тоже был в употреблении французский язык, и даже в большем, чем ныне: можно побиться об заклад, что теперь ни одна купчиха, с бумажною или парчового повязкою на голове, в целой Астраханской губернии, не поймет слова «неглиже».

– А мне кажется, сударыня, – возразил Стефан, – что сия одежда более делает прелестною девицу, ибо ближе к на-

туре и не принужденна. Если б я когда-нибудь вздумал жениться, – продолжал он, – то никогда бы не позволил жене моей заключать в тесные пределы стройную и природную свою талию, разве только в таком случае, когда б дражайшая моя половина была так толста, как ваша приходская попадья.

Какие аркадские понятия о прелести, придаваемой женщинам костюмом! Верно, во времена Стеньки Разина издавался какой-нибудь чувствительный «Дамский журнал»!.. И потом, какое остроумие со стороны молодого человека XVII века!.. О! этот молодой человек знал толк!..

– Однако ж вы здесь, верно, не новичок и не последний насмешник? – сказала Мария... – Извините меня, сударыня, в сем неуместном сравнении, – отвечал Стефан. Произнеся сии слова, целует еще руку Марии, совершенно им обворуженной; но он имел другую цель, ибо знал, что от приобретения благорасположения Марии зависело его счастье.

Владимир, которому эти нежности показались смешны, начал подшучивать над своею женою, которая, оставив *высокий* слог, отвечала ему *низким*: «Не сойди-ка с ума, плешивая обезьяна!» За сим Владимир рассказал Стефану, как его сожительница, в продолжение тридцатилетней их брачной жизни, осыпала его бранью, оделяла толчками и сделала его плешивым, вцепляясь, как кошка в крысу, в его курчавые волосы, когда он увещевал ее плетью меньше скалить зубы с молодыми мужчинами и не бесчестить себя. Признаюсь откровенно, это мне не понравилось, и воля ваша, г. неизвестный, но тем не менее знаменитый автор «Прекрасной астраханки», а тут есть противоречие. Если Мария иногда выражалась немного сально, так это потому, чтобы разнообразить свой слог, вследствие предписаний риторики; но чтобы она, начитанная романами, знавшая французский язык, соблюдавшая строго *bon ton*,^[3] обладавшая таким красноречием, – чтобы она, говорю, могла доходить до такого *mauvais genre*^[4] – это, право, неестественно. Впрочем, может быть, такое обращение супругов между собою

во времена *Стеньки Разина* почиталось за хороший тон? В таком случае, не спорю, но зато не хочу быть согласным с Дормедоном Васильевичем Прутиковым, чтобы в старину всё было лучше нынешнего.

Супруги скоро помирились, и вошла Анастасия в белом атласном платье, опоясанном зеленым бархатным поясом с бриллиантовой пряжкой, с пукетом роз, приколотых к груди, с зеленою лентою, *унизанною* крупным жемчугом, и бриллиантовым склаважем{9} на голове, с браслетами на руках. Как прекрасна она была в этом костюме, почти не изменившемся со времен *Стеньки Разина* до нашего времени!..

Но этим не всё кончилось: по приказанию матери, Анастасия принесла арфу, настроила ее и, сделав несколько аккордов, запела следующий романс, сочиненный ею экспромтом:

*Сияет солнце над востоком
В лазуре – золотым лучом!
Пловец в челне, ведомый роком,
В одежде рыцарской, с мечом;
Пристал к сим берегам Кутума,
Вступил в неизвестный чертог!*

Какая быть должна владельцев
дума?..

Об нем?.. Но верно его бог
Руководил в пути избранном,
Эгидой ангел осенял!

И он хотя сюда незванный —
Гостеприимство здесь спознал!
Хлеб, соль ему здесь предлагают,
Все ласки и смиренный кров;
Но мысль его не постигают?
Им небо лучший всем покров! —
Скажи, скажи, пришлец незна-
мый! —

Зачем пристал к сим берегам?
Коль хочешь быть теперь упря-
мый, —

Иди, оставь спокойство нам?
Вот чувства, сердца выраженья!..
Скажи, скажи – ты мне в ответ,
Зачем пришел в чужи селенья?
Какой намерений – завет?

Сначала импровизация Анастасии привела Стефана в большое затруднение, но – говорит автор —

Оборотливый ум, просвещенный воспитанием, недолго остается в бездействии и находит скоро ответы на са-

мую трудную задачу. Я знаю отечественных поэтов, которые, нимало не думавши, говорят то в одну минуту, что наш брат-сочинитель должен решить в течение целого месяца; но, щадя их, я не смею здесь наименовать, ибо публика очень известна об их талантах.

Мы думаем, что наши знаменитые поэты должны быть очень благодарны автору «Прекрасной астраханки» за его комплимент, а более за пощадку, которую он им дает, за его скромность насчет утайки их имен.

Мой Стефан (продолжает автор), будучи из числа не последних в своем роде, сейчас нашел или приискал скоро на заданную ему Анастасией задачу ответ. Взявши у ней арфу и акампанируя, пропел следующее объяснение:

*На что, красавица прелестна!
Ты ищешь объясненья слов?
При мудрости твоей чудесной
Я чту гостеприимный кров,
В которой принят я с приятней,
Не как пришлец, но как родной;
Твой взор, твой ум всего опасней,*

Но клятвы я держусь одной, —

Она навек язык связала:
Не смеет сердце говорить!
Природа чувства мне те дала...
Но мыслю, что могу излить!
Тобой пленен я с перва взгляда,
С тобой хочу счастливым быть.
Когда ж отнимется отрада...
Не стану я на свете жить!

Оставь до время изъясненья:
Тебе, клянусь!.. откроюсь я! —
Прерви души моей мученья...
Иль кончу жизнь я — здесь стена.

– Каков ответ! – вскричала Мария: – не ангельской ли голос проник в мою душу! О, сколь он очарователен, любезен, и какую прелестную гармонию вливает в сердца наши! – О! дочь! милая моя Анастасия! Вот лучший учитель, могущий образовать твои способности! Что эти надутые эгоисты? Эти сребролюбцы, ищущие своей выгоды, которые, занимаясь один час твоим учением, стараются только превознести себя похвалами к талантам, коих они никогда не имели! Они превозносятся

тебя до небес, в надежде более получить от нас платы, но незнакомец, в первый раз нас видевший, доказал нам, как они ничтожны! Бери, дочь моя! бери от сего господина уроки, и ты будешь идеалом для всех образованных дам в нашем городе!

Нужно ли говорить, что Стефан согласился? Сын *Стеньки Разина* был отличный виртуоз и любил Анастасию – чего ж лучше! Но довольно! прочтите сами роман, а я не хочу отнимать у вас удовольствия, рассказав вам вполне содержание этого прекрасного романа. Да не та была и цель моя: я хотел только дать понятие о неслыханных красотах сего произведения. Когда же вы прочтете его сами, тогда я напишу на него настоящую критику, в которой докажу, как $2 \times 2 = 4$, что современная русская литература совсем не так бедна, как думают некоторые беспокойные крикуны, что если она теперь немножко и вздремнула, зато часто грезит, и «Прекрасная астраханка» есть одна из самых поэтических, самых пленительных ее грез.

Во второй части есть ужасно высокая сце-

на, сцена свидания Стефана с отцом своим, *Стенькою Разиным*: в этой сцене они оба говорят высоким слогом. Вообще этот роман напоминает собою лучшее произведение гениального Дюкре-Дюмениля, сперва сосланного неблагодарным потомством в лакейскую, а потом в подвалы: «Виктор, или Дитя в лесу»; но, почтенные читатели, «Прекрасная астраханка» только напоминает «Виктора», а не есть подражание оному, хотя и обретаются такие невежды, которые думают, что сие *российское сочинение* есть будто бы пародия на оное французское произведение, что будто бы «Прекрасная астраханка» есть тот же самый «Виктор», перетесанный топором и скобелью на российские нравы. Вообще надо заметить, что у Дюкре-Дюмениля слог *прелестный*, а у нашего автора *высокий*, и потому пальма первенства должна остаться за *российским сочинителем*.

Сноски

1

Какая галантность! какая учтивость!
(Франц.). – Ред.

[^^^]

2

О доброе старое время! (Франц.). – Ред.

[^^^]

3

хороший тон (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

4

до таких дурных манер (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

«Молва» 1836, ч. XI, № 4 (ценз. разр. 17/III), стр. 118–131. Без подписи.

[^^^]

2

«Провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова» (см. н. т., № 16).

[^^^]

3

«Черная женщина» – роман Н. И. Греча, многократно упоминаемый Белинским, в период «Телескопа» и «Молвы», как образец безвкусыя и бездарности. В 1838 г., разбирая сочинения Н. И. Греча, Белинский отнесся к нему с большей снисходительностью (см. н. т., № 111).

[^^^]

4

Курсивом как здесь, так и далее, в пересказе и цитатах, а также замечаниями, заключенными в скобках, Белинский выделяет наиболее курьезные и безграмотные выражения, взятые из текста романа.

[^^^]

5

«Постоялый двор» – роман А. П. Степанова (см. н. т., № 3).

[^^^]

6

Сергей Строев (псевд. Скромненко), бывший студент Московского университета, входивший в кружок Станкевича. Он был хорошо известен Белинскому.

[^^^]

7

В. Т. Плаксин – автор «Руководства к познанию истории литературы», 1833 г., и «Краткого курса словесности, приспособленного к прозаическим сочинениям», 2 изд., 1835. А. Г. Глаголев – автор «Умозрительных попыток основания словесности», в четырех частях, 1834.

[^^^]

8

Так называется первая часть сказки «О купцовой жене и о приказчике», выходявшей во многих лубочных изданиях, начиная со второй половины XVIII и до второй половины XIX века.

[^^^]

Склаваж – название головного убора, имеющего вид цепи; произведено от французского слова: esclavage – рабство.

[^^^]

[^^^]